

Все события вымышлены и происходят в вымышленном мире

Всякие аналогии и совпадения с нашим миром случайны. Слава толерантности!

В этот тёплый летний день солнце стояло ещё высоко, но вечер приближался неумолимо. Почти как падающий дамоклов меч. Мистер Айванофф ещё раз бросил тоскливый взгляд в окно, и, следуя совету психолога, постарался отогнать смущавшие его мысли. Психолога он посещал раз в каждые две недели, как и полагалось законом о переселенцах. В первую неделю — сам, во вторую к психологу шла жена, на третью неделю они приходили вместе, четвёртая... Четвёртая была нынешней. И четвёртые недели он не любил.

— Как ты думаешь, дорогой, я достаточно привлекательно выгляжу? — спросила, жена, выпорхнувшая из спальни.

Айванофф чуть скосил глаза в сторону супруги. Мысленно он вспоминал наставления. Главное — следовать заповедям и не возжелать. Греховно только желание. А как не желать свою собственную молодую жену, когда она в таком развратном виде? Чёрт побери, он желал её и когда она была просто голой. И когда одета. Ой! Кажется, он подумал «чёрт»? Мужчина смущённо прокашлялся.

— Ну, дорогой? — нетерпеливо капризным тоном потребовала жена: — О чём ты там задумался?

— Я вспоминал заповеди...

— Дорогой! — всплеснула руками жена в точности так, как её учили на курсах примерных жён: — Как говорит психолог, нужно думать только о том, с кем в этот момент говоришь. Иначе ты показываешь пренебрежение, а это может оскорбить человека. Помни, что у нас ещё слишком небольшой стаж переселенцев, и если мы хотим получить разрешение на продление пребывания в этой чудесной стране, то должны стать самыми примерными переселенцами.

— Да, да, конечно, дорогая, — мистер Айванофф собрал волю в кулак, уделяя всё внимание беспристрастному осмотру жены.

Она была прехорошенькой. Белокурые локоны волнами спадали на плечи, пышная грудь рвалась на волю из тисков сарафана на тонких ляпочках. Впрочем, грудь была едва прикрыта, являя взору вечно голодного супруга две сдобные округлости с аппетитной ложбинкой между ними. Лифчик жена сегодня не надела.

— Думаю, всё нормально, — спокойно заявил муж.

— Всего лишь нормально? — кукольное личико вытянулось и пухлые губки, созданные для минета, разочарованно изогнулись.

Ну зачем, зачем он так сказал?! Её губы дрогнули, глаза увлажнились. Ещё чуть-чуть и она заплачет, потечёт тушь, размажется косметика. О, нет, это недопустимо!

— Бесчувственный чурбан! — обиженно бросила она: — Я тут спасаю нашу репутацию, жду от тебя поддержки. А что получаю? Нормально? То есть меня не хочется схватить, нагнуть и изнасиловать?

— О, нет, прости, если я выразился неясно, — уроки психолога не пропали даром, он наизусть помнил всё то, что можно сказать в подобной ситуации: — Мне мешает то, что я всегда хочу тебя. Понимаешь? Всегда... Поэтому я не могу дать объективную оценку так быстро. Мне

нужно время для размышления...

О, да! За время он отдал бы много. Знать бы кому тут надо дать на лапу...

— Ладно, я всё поняла, — заявила жена уже спокойно: — Если ты, как любящий меня муж, даёшь оценку «нормально», значит, мне нужно срочно поработать над образом. Нужно срочно что-то придумать...

Она вышагивала на семидюймовых каблуках взад и вперёд. Стройные ножки, открытые почти полностью маячили перед взглядом АйванOFFа. Эх, как бы схватить её сейчас и плюхнуть на диван... Какое наслаждение владеть такой шикарной женщиной. И он, счастливейший из смертных, познал это наслаждение. Она — его. Его добыча, которую он пожирает глазами, и лобзает устами, трогает в самых запретных местечках.

О, как сладки эти поцелуи, невинные и полные страсти, с которых начинается каждая их любовная игра! Как переплетаются их языки, какая сладкая борьба идёт меж ними — только губами сражаются возлюбленные друг с другом. И это сражение за право дарить ласку объекту своей любви. Кто выиграет его?

Нередко выигрывала всё же она. И тогда он покорялся её власти, отдаваясь в плен наслаждения. Она срывала с него одежды, прикасалась к его телу где хотела и как хотела. Захватывала и порабощала, принуждая терпеть сладкие мучения. Какая она была мастерица в таких пытках, изнуряющих желанием и сводящих с ума от невозможности удовлетворить это желание.

Да, она любила контролировать момент его наслаждения, умело отдавая пик. Покрывала ли она поцелуями его торс, обнимала ли бёдра, согревала ли своим дыханием его орудие страсти или же вдруг, как наездница, овладевала им, впуская глубоко в свою тесную уютную пещерку — и всё только для того, чтобы прервать поток удовольствия за миг до кульминации. Шаловливо рассмеяться, над его беспомощным и умоляющим, просящим милосердия взглядом.

Какие муки он претерпевал, желая свою возлюбленную супругу, когда она была так необыкновенно близка и одновременно головокружительно недоступна. Богиня! И вдруг божество дарило заключительную ласку. Её губы наконец-то обнимали его ТАМ. И в один миг он извергался в нежный и жадный ротик, одаря любимую за все её ласки и пытки тем, чем способен мужчина одарить женщину по воле природы.

Но не всегда он уступал. И тогда он мстил усладой за усладу. О, он умел делать это! Оторваться от покорившихся неизбежному губ, скользнуть языком по изгибу шейки проказницы. Вздрагиваешь, девочка? То ли ещё будет! Поцеловать плечико... Нежно... И снова язычком, дразня, скользнуть... Куда теперь? Выше или ниже? Не знаешь? Дрожишь? А вот грудка стыдливо, как скромница, прячется под одеждой. Но ей не укрыться от пылких губ. Обнять губами, втянуть, но не сильно, чтоб не потревожить любимую. Которая так доверчива, так беззащитна перед его ласками. Животик, такой манящий... Ах, ты хочешь спрятать его от меня? Ну что же, тогда твои ножки — начну с них. Я покрою их поцелуями, каждый маленький пальчик согрею своим дыханием, поднимаясь всё выше и выше.

«Как же я мечтаю задрать твою юбку! — мысленно стонал наш герой. — Этот коротенький сарафанчик цвета спелого персика создан для того, чтобы его задрать, но не с целью ворваться. О нет, это было бы слишком легко для тебя! Я же знаю твою тайну, знаю, отчего ты мечешься в постели, умоляешь о пощаде и желаешь, чтобы это не прекращалось. Я хочу дюйм за дюймом исследовать все твои горячие прелести, пройти по ним языком». О, как же он

наслаждался, когда она такая распахнутая лежала в его руках, в очень жадных руках, которыми он поднимал её бёдра к себе, чтобы испить её, словно чашу с терпким вином...

Сладкие грёзы. Мужчина сглотнул и поправил ставший тесным галстук. В человеческих ли силах вынести то, что предстоит ему? Но он должен. Обязан если не ради себя, то хотя бы ради своей нежной супруги.

— У нас осталось полчаса до его прихода. А я такая глупая. Ничего не могу придумать. Вдруг он меня не захочет? Ты представляешь!?! — жена обеспокоенно вытаращила огромные голубые глаза с накрахмаленными тушью ресницами.

Мистер Айвановфф подумал, что был только рад, если бы ОН не захотел. В конце концов, это всё-таки его жена. Или нет? Но разум подсказал ему, что обвинение в не толерантности здесь едва ли не самое тяжкое. Можно украсть миллион и всего лишь сесть в тюрьму — в благоустроенную местную тюрьму, где разрешены свидания с жёнами, а за хорошее поведение дают отпуск домой. Но достаточно одной жалобы на не толерантность — всего одной — и они моментально вылетят отсюда обратно в страшную Сайберию. Где, как недавно показывали по местному телевидению, на улицах пьяные медведи с автоматами в лапах мирно протестуют против произвола коррумпированной полиции. А полиция там коррумпирована вся поголовно. Правда, когда они, выиграв грин-кард, выезжали из Сайберии всего год назад, никаких пьяных медведей он не помнил.

Но психолог объяснил ему, что Айвановфф стал жертвой ловкого пропагандистского трюка. Всего один правильно заданный вопрос раскрывает истину. «Не припомните ли трезвых медведей на улицах?» — «Нет, доктор, нет» — «Ну, вот видите! Значит там были только пьяные медведи!» — Дорогой? — озабоченно осведомилась жена: — Ты опять где-то витаешь? А время-то идёт.

— Прости, дорогая.

— Хорошо, я прощу тебя. Но с одним условием.

— Да, дорогая.

— На этот раз всё должно пройти идеально. Понимаешь? Всего одна жалоба, и... ты сам знаешь, что будет. То, что дала нам эта страна — законность, порядок и толерантность — многие люди в мире мечтают получить. Но не могут, из-за того, что ими правят кровавые диктаторы... Я всё правильно говорю?

— Да, дорогая. Там дальше ещё что-то про то, как мы должны подтвердить нашу приверженность закону, порядку и толерантности.

— О, спасибо, дорогой. А то я едва не забыла... Ой! Что это? Это же домофон! Это он! Так, я побежала, надену что-нибудь другое, более откровенное. А ты пока развлеки его разговором. Я постараюсь быстро.

И жена скрылась в своей спальне.

— Но я не знаю о чём нужно говорить с афро-гражданами, — в замешательстве крикнул Айвановфф вслед ей: — Я даже этот их рэп терпеть не...

Но тут он вовремя прикрыл рот рукой. Он должен быть терпим к чужой культуре. Ведь это и есть толерантность.

— Угости его чаем! — донеслось из-за дверей.

Чаем? Чаем! Ну почему нельзя, как нормальные люди, разлить по стопочке чистого спирта? Опрокинуть по первой. Затем, не закусывая, по второй. А там уже и третья. Глядишь, и его самого эта ситуация не так напрягала бы принадлежать только мужу.

— Нет, не где-то поблизости. Не в другой комнате, как в прошлый раз. А совсем рядом.
Держать меня за руку.

Всему бывает предел.

— Дорогая, — едва подбирая слова от внезапно нахлынувшей ярости, произнёс муж: — Этот негр жрёт там мою салями с моим вареньем и собирается овладеть моей женой. Может я ещё должен благословить ЭТО?

Улыбчивая мордашка супруги в один миг словно окаменела, вскинув голову, женщина с возмущением смотрела на него.

— Такого предательства я от тебя не ожидала, — упрекнула она предельно обиженным тоном: — Думаешь мне это нравится? Я, наверное, тащусь от этого, да? В меня запихнут черный хуй, толстенный, как моя рука. А мой муж собирается сбежать в другую комнату, залезть там с головой под подушку, только чтобы не видеть. И это вместо того, чтобы поддержать свою жену в такой ответственный момент, помочь ей пройти это важное испытание, — она всплеснула руками.

И потом всё ещё говорила, говорила, но он не слышал её. Перед глазами её несчастного мужа уже стояла яркая картина — как произойдёт ЭТО. Как грубый неотёсанный негр сграбастает своими загребущими лапищами его красавицу-жену. И не то ужасало, что это вообще-то его собственная жена. О, нет, не надо думать будто Айванофф был законченным эгоистом.

При всех своих человеческих слабостях и недостатках он любил свою жену не как собственность, право на которую подтверждает роспись в брачном контракте, а как возлюбленную женщину. Как Даму Сердца, верным рыцарем которой он мечтал быть. Ну хотя бы в своих мечтах. Ведь это же благие мечты, разве нет? И вот только сейчас он осознал насколько же он в реальности уступал тому себе, который блистал в его мечтах.

Как мог он думать о себе, о своём праве мужа на жену? Думать так, будто она какая-то скотина, заклеянная кольцом на пальце. И место её — в стойле, то есть в его постели. С ним и под ним. Как он мог опуститься до таких пошлых мыслей, когда думал про эту святую женщину? Женщину, готовую пожертвовать самым драгоценным, ради того, чтобы подарить ему право жить в райской стране? И ради него она принесёт себя в жертву! Отдаст себя этому наводящему страх негру. А тот ухмыльнётся и швырнёт её на диван.

Разве так можно с ней? Её же напугает чёрный злодей. Она сожмётся, не захочет его пустить к своему сокровенному, такому незащищённому и совершенно голенькому местечку. Но где ей тягаться с этим сыном коварных джунглей? Она может сжимать точёные коленочки и даже обнять их руками. Но темнокожий дикарь, смеясь, наложит свои лапы на её ножки в этих возбуждающих чулочках и одним резким движением вдруг разомкнёт их. Разом! Будто разрывая надвое. Айванофф видел это — бедняжка лежит на диване с раздвинутыми ногами, а негодяй, мрачный, как гранитный утёс в безлунную ночь, с похотливой ухмылкой, едва ли не брызгая слюной, любит её промежностью, словно прикидывая, какую из двух дырочек попробовать в начале.

Закричит ли она или закусит губу, чтобы не кричать — насильнику это без разницы. Набухший, в переплетении вен чёрный гигант восстанет и вонзится в нежную белую плоть. Он насадит её, будто индейку, на свой стальной вертел. И будет пронзать им, не взирая на слёзы и мольбы. Будто смеясь над бесплодными усилиями жертвы, беспощадный могучий член по самые яйца войдёт в прелестную киску жены, заставляя её вздрагивать и выгибаться под ужасным натиском. А может быть, посреди этой вакханалии, когда злодей усилит свои

выпады, раздалбливая красавицу, сама природа смилостивится над бедняжкой и лишит её чувств, чтобы несчастная хотя бы не ощущала боли?

Мистер Айвановф затряс головой, изгоняя жуткий морок. Он должен, обязан был что-то предпринять. Что-то... очень решительное.

— Дорогая, — произнёс он со всей серьёзностью: — Если всё настолько ужасно... Хм, ты подумай, как он вообще в тебя влезет-то?

— Вот! — торжествующе заметила жена: — Теперь понял? — она ткнула пальцем ему в лоб.

— Нет, мы должны отменить это. Это же насилие!

— И лишиться права на жительство в этой замечательной стране, в которой мечтают жить все люди в мире, и только нам выпало это счастье... Прости, не помню, как дальше, — возразила супруга.

— Да хрен с тем, что там дальше. Он же тебя порвет!

— Дорогой! — сказала жена серьёзно, придав своему лицу выражение королевы, восходящей на эшафот: — За счастье надо платить. Мы должны доказывать свою приверженность идеалам этой страны. И я докажу, что мы толерантны, абсолютно толерантны, чего бы это мне ни стоило. Если ты будешь рядом, мне будет легче. Обязательно держи меня за руку. И не забудь предложить меня гостю.

— Как? — Айвановф вытаращился на неё.

— Ну, как ты чай ему предлагал? Вот, представь, что я следующее блюдо, — женщина мягко улыбнулась и дотронулась до его руки, — И вежливо предлагай. Веж-ли-во. И, — тут она посмотрела на него **ОЧЕНЬ** внимательно: — Дорогой, всё должно пройти идеально. Нам нужна только высшая оценка у психолога. Ты понял? И потом закончатся все наши мытарства.

— Да, конечно, дорогая, — смиренно согласился супруг.

— Ну, так чего же мы всё ещё стоим здесь, дорогой?